

Katarzyna Kosowska
Uniwersytet Jagielloński

Этикет поведения русской женщины на балу в XIX веке (на материале женской мемуарной литературы и переписки)

В России история бала имеет свои корни в преобразовательской деятельности Петра Великого, при котором был отменен ранее соблюдавшийся запрет на танцы в рамках светского общения. Балы петровских времен далеки были от того, чтобы приносить присутствующим удовольствие. Танцы были весьма большим испытанием для участников первых ассамблей, особенно дам, поскольку новый женский костюм западного образца – пышное платье с сильно затянутым в талии корсажем, широкая юбка и парик – серьезно ограничивал возможность свободного движения. Поэтому вначале активные танцоры считались немногими.

Представьте себе женщину, стянутую узким костяным каркасом, исчезающую в огромном фишбейне, с башмаками на каблуках в полтора вершка вышины, и танцующего с нею мужчину в алонжевом напудренном парике, в широком матерчатом шитом кафтане, с стразовыми пряжками в четверть на тяжелых башмаках, и посудите, может ли эта пара кружиться, летать по полу в экосезе с тою легкостью, с тою быстротою, какую видим ныне!¹.

По свидетельству Елизаветы Янковой², еще в годы царствования дочери Петра Великого следовало быть осторожным,

¹ А.О. Корнилович, *Нравы русских при Петре Великом*, Санкт-Петербург 1901, с. 66.

² Елизавета Петровна Янкова (1768-1861), внучка историка В.Н. Татищева, урожденная Римская-Корсакова, связанная родственными узами с Щербатовыми, Шаховскими, Архаровыми, Нащокиными, Салтыковыми, Вяземскими и многими другими. Елизавета Янкова является авторшей воспоминаний *Рассказы бабушки*, списанных ее внуком Дмитрием Благово. *Рассказы бабушки* впервые были опубликованы в 1878-1880 гг. в «Русском вестнике». Янкова постоянно жила в Москве, где умерла в возрасте 93 лет. Она живо помнила семейные предания, доходившие до времени Петра I, рассказывала их с удивительными подробностями, помня даже годы и числа, поэтому была живой летописью всего XVIII и половины XIX столетия.

[...] а иначе, пожалуй, или с кем-нибудь лбом стукнешься, или толкнешь в спину; мало этого, береги свой хвост, чтобы его не оборвали, и смотри, чтобы самой не попасть в чужой хвост и не запутаться³.

При наследницах царя-реформатора постепенно растет интерес к танцам, а балы приобретают все больше европейских качеств. Елизавета Петровна необычайно любила устраивать балы-маскарады, слава о которых разнеслась по всей Европе. Тогдашние увеселения делились на разные категории, причем каждый раз строго определялось, в каких костюмах должны быть дамы и кавалеры. В 1744 году императрица приказала явиться на маскарад мужчинам без масок в огромных юбках на фижмах и в женских прическах. Дамы, соответственно, облачались в мужские костюмы. Настроение дворян было далеко не праздничным.

На этих маскарадах мужчины были вообще злы, как собаки, и женщины постоянно рисковали тем, что их опрокинут эти чудовищные колоссы, которые очень неловко справлялись со своими громадными фижмами⁴.

Апогея своего блеска двор достиг в екатерининскую эпоху. Царившая при нем роскошь служила примером для столичного общества. Сама Екатерина Великая особо любила балы-маскарады, организованные для представителей различных сословий. Хотя для купечества отводился отдельный зал, никому не запрещалось переходить из одной гостиной в другую и принимать совместное участие в танцах. На этих балах собиралось нередко около 500 масок. Московские праздники 1787 года, когда Россия отмечала двадцатипятилетние восшествия Екатерины Великой на престол, надолго остались в памяти современников. Один из них превзошел все ожидания, о чем вспоминала Янькова:

Бал был самый блестящий и такой парадный, каких в теперешнее время быть не может: дамы и девицы все в платьях или золотых и серебряных, или шитых золотом, серебром, камней на всех премножество (...) Пускали в собрание по билетам самое лучшее общество; не было много⁵.

Во избежание неожиданных нарушений правил светской жизни во время балов и танцевальных вечеров, уже в первой половине XVIII века стал адоптироваться с Запада общий этикет, понимаемый как собрание правил и формальностей, относившихся к внешности и образу действий в общечитии общества, которое принято называть хорошим, то есть благовоспитанным⁶.

³ Д. Благово, *Рассказы бабушки, Из воспоминаний пяти поколений*, Ленинград 1989, с. 165.

⁴ *Русский быт по воспоминаниям современников. XVIII век*, Москва 1914, ч. I, с. 320.

⁵ Д. Благово, *op. cit.*, с. 66.

⁶ *Правила вежливости и светского этикета*, Москва 2007, с. 5.

В эпоху Екатерины Великой стали складываться особые правила бального этикета. Тогда и начинают печататься первые пособия по этикету. Среди них были: *Светская школа, или Отечественное наставление сыну о обхождении в свете* (1763-1764); *Женская школа, или Нравоучительные правила для наставления прекрасного пола, как оному в свете разумно себя вести при всяких случаях должно* (1773); *Наука быть учтивым* (1774); *Наставление знатному молодому господину, или Воображение о светском человеке* (1778); *Разговор о свете* (1781); *Карманная, или памятная книжка для молодых девиц, содержащая в себе наставления прекрасному полу с показанием, в чем должны состоять упражнения их* (1784); *Искусство быть забавным в беседах* (1791); *Карманная книжка честного человека, или Нужные правила во всяком месте и во всякое время* (1794). В большинстве руководства по этикету того времени были переводные (чаще всего с французского или немецкого языков)⁷.

В начале XIX века появляются очередные пособия по этикету, отдельные главы которых посвящены поведению на балах, танцевальных вечерах и маскарадах. Среди них стоит перечислить книгу Д.Соколова *Светский человек, или Руководство к познанию светских приличий и правил общежития, принятых хорошим обществом* (1847), *Хороший тон. Сборник правил и советов на все случаи жизни общественной и семейной* (1881), *Правила светской жизни и этикета. Хороший тон. Сборник советов и наставлений* (1889)⁸, а также *Правила этикета, предназначенные для высших слоёв российского общества конца XIX века. Жизнь в свете, дома и при дворе* (1890). В них подробно излагались правила светского этикета, состоявшие в том числе в умении ходить, стоять, сидеть, кланяться, вести беседу и танцевать так, как того требовали учтивость и уважение к обществу. Отдельные правила касались именно бала. Бальный этикет включал в себя как культуру поведения на танцевальном вечере, культуру танца, так и культуру бальных помещений, аксессуаров и одежды. Культура танца тесно связана со структурой очередных танцев, порядок которых довольно точно определялся, с эмоциями сопровождающими танцорам во время каждого из них (поскольку некоторые танцы, как мазурка, способствовали объяснениям в любви, другие – кадрили, полонез – наоборот)⁹.

⁷ Е. Лаврентьева, *Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет*, Москва 2005, с. 20-21.

⁸ В настоящей статье будет использовано репринтное издание сборника *Правила светской жизни и этикета. Хороший тон. Сборник советов и наставлений*, вновь опубликованное в 2007 году под заглавием *Правила вежливости и светского этикета*.

⁹ Этой теме посвящены работы: Н.П. Ивановский, *Бальный танец XVI-XIX вв.*, Москва 1948; В. Бокова, *Балы и праздники в России*, Москва 2000.

Несмотря на то, что вышеупомянутые пособия по этикету публиковались в конце XIX века, однако они описывают правила поведения дворянского сословия царившие на протяжении всего столетия. В настоящей статье этикет поведения женщин во время бала будет воссоздан опираясь на сравнительный анализ сборников светских правил с мемуарной литературой представительниц русского дворянского сословия, дополненной наблюдениями иностранцев.

Присутствие на балу обязывало дворянское сословие к функционированию в границах определенных схем. На бал нужно было являться не иначе, как изящно одетым; особенно туалет дам и девиц должен отличаться своей изысканностью¹⁰. Конечно, подготовка к великолепному танцевальному вечеру, многочисленные декоративные процедуры должны были начаться заранее, чтобы успеть со всем справиться вовремя. При этом нельзя было обойтись без чужой помощи.

Посещающие на переломе XVIII – XIX века Россию, подруги-англичанки княгини Екатерины Дашковой – Кэтрин и Марта Вильмот – в своих письмах родным неоднократно обращали внимание на роскошные наряды и безукоризненный внешний вид русских аристократок. Хотя новое столетие принесло упрощение женского туалета – приходит мода на туникообразные платья из тонкой ткани, которые дополняются множеством ювелирных изделий – подготовительные процедуры к балу длились целыми часами, о чем Марта Вильмот в 1803 году писала

Мы пообедали, а затем, (...) последовала сцена одевания, которую невозможно описать пером: слуги, горничные, помада, пудра, румяна, чай, кофе, бриллианты, жемчуг – все вверх дном и все в одной маленькой гардеробной. Умоляю, нарисуй себе эту картину, представь, как, подобно множеству бабочек, выпархивающих из куколок, мы выходим из дома в платьях из серебряных кружев, с алмазными лентами в волосах, с длинными бриллиантовыми серьгами и в прочих драгоценностях¹¹.

Описание это указывает на пышность в нарядах и украшениях, которая уже в XVIII веке заменяла вкус. Дамы не знали пленительной простоты, зато в каждой безделке блистало тяжелое великолепие, а не утонченный вкус¹². В другом письме М. Вильмот обращает внимание на гардероб графини Воронцовой (матери Екатерины Дашковой), замечая, что цветы на одном из ее платьев

¹⁰ *Правила вежливости...*, с. 202.

¹¹ *Письма сестер Вильмот из России*, Москва 1987, с. 220. Письма Кэтрин Вильмот были напечатаны в „Русском Архиве» 1873. Письма и дневники Марты Вильмот впервые на русском языке были опубликованы в 1987 году.

¹² *Правила вежливости...*, с. 201.

были расшиты жемчугом, как и то, что когда его вышивали, то жемчуг отмеряли пинтами¹³. Следует отметить, что в половине XVIII столетия неоднократно издавались указы, ограничивающие безудержную роскошь в одежде, например, указ о запрете русским и иностранным купцам продавать парчу и другие золотые и серебряные материи без оповещения об этом Императрицы¹⁴, запрет о ношении «(...) богатых платьев с золотом и серебром (...)»¹⁵ и о «(...) дозволении носить кружева токмо первым пяти классам (...)»¹⁶.

Предпринятые попытки ограничения пышности в костюмах дам только в некоторой степени привились в дворянской среде. О российских дамах начала XIX века и их украшениях М. Вильмот насмешливо писала:

Я, вероятно, до самой смерти не забуду наряда госпожи Норовой. Ее белое атласное платье украшали искусственные цветы, на голове были две ленты, украшенные бриллиантами, два бриллиантовых гребня в еще что-то вроде бриллиантового венца. В ушах – великолепные бриллиантовые серьги, на шее – бриллиантовые цепочки и жемчужные нити, на груди – бриллиантовые, изумрудные и рубиновые броши (...). Пояс ее тоже был осыпан бриллиантами и застегнут пряжкой с камнем величиной с куриное яйцо¹⁷.

Обилие драгоценных украшений на русских дамах, «едва не падающих под тяжестью жемчугов и бриллиантов»¹⁸, подобранных без всякого вкуса, англичанка сравнивает с витринами ювелирных лавок¹⁹.

С наступлением романтизма, когда силуэт женского платья определяет все более расширяющаяся юбка и сильно затянутый корсетом лиф с декольте, страсть дам к драгоценным платьям непрерывно растет. Бальные платья не использовались более одного-двух раз и поэтому должны были выглядеть в соответствии с последними тенденциями моды. Картину богато и роскошно одетой русской аристократки первой половины XIX века рисует в *Записках* Екатерина Сушкова, приводя пример своей матери. Происходящая из зажиточной семьи, Анастасия Сушкова после расставания с мужем сама искала развлечений, все чаще и чаще выезжая в свет. Мемуаристка замечает, что мать незаметно тратила на свои платья и уборы больше денег, чем позволяли ее доходы²⁰. По

¹³ *Письма сестер Вильмот...*, с. 283.

¹⁴ *Полное собрание законов Российской Империи*, Собр.1, т.11, Но 8524, с. 587.

¹⁵ *Ibidem*, Но 8680, с. 895.

¹⁶ *Ibidem*, Но 8680, с. 895.

¹⁷ *Письма сестер Вильмот...*, с. 395.

¹⁸ *Ibidem*, с. 244.

¹⁹ *Ibidem*, с. 220.

²⁰ Е.Сушкова, *Записки*, Москва 2004, с. 35. Первое полное издание *Записок* – Ленинград 1928.

мнению автора *Правил вежливости...*, эта страстная любовь русских дворянок к драгоценным платьям и обилью украшений могла быть результатом царившего тогда этикета и желания казаться на балу красивее всех²¹.

Собираясь на бал, я очень обдумывала свой туалет; никогда я не желала казаться такой хорошенькой, как в этот вечер; на мне было белое платье и ветки репейника на голове, такая же ветка у лифа²²,

вспоминала свой наряд Сушкова.

Бальный этикет обуславливал всю «грамматику» танцевального вечера, всю его стройную композицию. По словам Юрия Лотмана, бал «складывался в некоторое целостное театрализованное представление, в котором каждому элементу (от входа в залу до разъезда) соответствовали типовые эмоции, фиксированные значения, стили поведения»²³. Одна из последних глав сборника *Правила вежливости и светского этикета* – «Балы и театры» – точно определяет поведение дворян на балу, расписанное автором во всех деталях. Правила вежливости требовали, чтобы, входя в бальную залу, гость приветствовал сначала хозяев дома, а затем знакомых. Молодой женщине нельзя было являться на балу без мужа, или – в случае его отсутствия – без подруги и мужа этой подруги. Барышня не могла появиться на балу под руку с молодым человеком, даже с женихом. Молодая девица должна была приехать на бал в сопровождении своей матери или какой-либо другой почтенной дамы, которая служила ей как бы руководительницей на светском пути. Присутствие отца при девице не запрещалось, но все-таки гораздо лучше, если она находилась под руководством дамы, сопутствующей ей при каждом ее появлении в свете²⁴. Следуя этому правилу молодые незамужние девицы выезжали на бал только в сопровождении матери или какой-нибудь почтенной дамы, родственницы или близкой знакомой.

Персидский посол, остановившийся в Москве, проездом в Петербург, в 1914 году, на балу у графини Орловой был удивлен множеством старых женщин, и когда ему объяснили, «что это матери и тетки присутствующих девиц, которые не могут выезжать одни, он резонно заметил: разве у них нет отцов и дядей?»²⁵.

Перешагнув двери дома, в котором был организован бальный вечер, барышня начинала принимать приглашения на танцы от кавалеров, записывая их

²¹ *Правила вежливости...*, с. 202.

²² Е.Сушкова, *op. cit.*, с. 139.

²³ Ю. Лотман, *Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века)*, СПб 1994, с. 91.

²⁴ *Правила вежливости...*, с. 203.

²⁵ М. Гершензон, *Грибоедовская Москва*, Москва 1989, с. 60.

имена и фамилии в специальной книжечке – *agenda lub carte de bal*. В некоторых случаях, когда дама имела многих поклонников, ее памятная книжка в несколько минут наполнялась массой обещаний. В Записках Сушковой читаем:

Бывало, дома распоряжусь, с кем танцевать, запишу себе в книжечку, и приехав на бал, не дожидаясь приглашения, а лишь только окружают меня мои верные кавалеры, ждавшие меня всегда у дверей, я как награды раздаю им поочередно танцы; они так к этому привыкли, что встречали меня принятой между ними фразой: «Какой танец вы мне сегодня назначили?»²⁶.

По *Правилам вежливости*... в таких именно случаях никогда не следовало давать обещаний более, нежели можно было выполнить. За этим следили матери, а барышни обязывались советоваться насчет этого со своими матерями и руководительницами²⁷. Кроме того, обещать один танец двум кавалерам считалось неприличным, поскольку подобные случаи носили отпечаток кокетства²⁸. Поэтому дама должна была помнить, в каком порядке принимала приглашения с целью устранить спор между танцорами. Барышня не должна была также оказывать никакого предпочтения одному из кавалеров²⁹. На мазурку или котильона мужчина приглашал лишь хорошо знакомую ему даму. Интимный и продолжительный танец часто служил объяснениям в любви. Желая пригласить на танец незнакомую девицу, кавалер просил общих знакомых или распорядителя бала представить его, после чего мог рассчитывать танцевать с девушкой кадрили, вальса и польку.

Для некоторых молодых девиц бал бывал причиной многих горьких минут. Из-за недостатка на балу кавалеров какая-нибудь девушка могла оказаться неприглашенной на танец. В этом случае ей следовало ожидать спокойно и весело, пока не подойдет к ней танцор. Мучение это девушка должна была переносить хладнокровно, равнодушно, спокойно и ничем не дать заметить своих душевных страданий³⁰. «Скромность и веселость скорее привлекут к вам желаемого кавалера, нежели явное обнаружение дурного расположения и горькой досады»³¹, подсказывал один из тогдашних сборников этикета.

²⁶ Е. Сушкова, *op. cit.*, с. 72.

²⁷ *Правила вежливости*..., с. 204.

²⁸ К. Светозарская, *Светский человек, изучивший свод законов общественных и светских приличий*, СПб 1880, с. 42.

²⁹ *Правила вежливости*..., с. 205.

³⁰ *Хороший тон. Сборник правил и советов на все случаи жизни, общественной и семейной*, Санкт-Петербург 1881, с. 343.

³¹ *Вступление молодой девицы в свет, или Наставление, как должна поступать молодая девица при визитах, на балах, обедах и ужинах, в театре, концертах и собраниях*, СПб 1853, с. 27.

Устранение такого рода неприятностей являлось обязанностью хозяйки дома наравне со счастливыми танцорками, которые должны были тайком покровительствовать оставленным без внимания дамам и посылать к ним знакомых кавалеров³².

Описывая свой первый выезд на бал, Сушкова замечает, что на вопрос единственного своего знакомого: танцует ли она мазурку, обиженно ответила «да», считая, что он сомневается в ее умении танцевать этот танец, в то время как он звал ее танцевать мазурку. Когда раздалась музыка мазурки и все разместились попарно, Сушкова одна осталась без кавалера. Ошибка выяснилась в последующем диалоге, когда взбешенный знакомый подошел к ней:

- Где же ваш кавалер?
- Меня никто не позвал
- Я звал вас, а вы сказали, что танцуете.
- Ах, Боже мой, я сказала вам правду: я умею танцевать мазурку!»³³.

Тогда все окружающие их расхохотались, а хозяйка дома подвела к дебютантке на этот танец своего сына.

Этикет обязывал к тому, чтобы выражение лица всегда, даже в кризисных для барышни ситуациях, когда она оставалась без кавалера-танцора, казалось веселым и любезным³⁴. Зато искренняя непосредственность и спонтанность незамужней женщины на бальном вечере могла восприниматься обществом как признак кокетства, усложняя брачные планы. Сушкова жаловалась:

Да, нечего сказать, была я ветрена и неосторожна, но меня так несправедливо угнетали и притесняли дома, что вырываясь на Божий свет, я веселилась как сумасшедшая (...) А ведь мне все равно доставалось дома: была ли я весела, говорили, что я кокетничала; задумчива – что я прикидывалась несчастной, загнанной»³⁵.

Во время танца, когда кавалер развлекал даму лёгким светским разговором, барышня не должна была смотреть слишком смело в глаза своему партнеру. Ей следовало ответить любезно и учтиво, а танцевать – скромно и просто. Кроме того, хороший тон требовал всегда быть на балу в безукоризненно чистых и белоснежных перчатках; кавалеры и особенно дамы все должны были брать в руки, не снимая перчаток³⁶. У дам они часто были выше локтя, шёл-

³² *Правила вежливости...*, с. 204.

³³ Е.Сушкова, *op. cit.*, с. 66.

³⁴ *Правила вежливости...*, с. 205.

³⁵ Е.Сушкова, *op. cit.*, с. 79.

³⁶ *Хороший тон. Сборник правил...*, с. 341.

ковые или лайковые. Поэтому понятно смущение Анны Керн во время бала в случае, описанном в ее воспоминаниях:

Сакен меня заметил и, подойдя, вывел почти на середину залы, где остановился, и осыпал меня комплиментами, и попросил снять длинную перчатку, чтобы расцеловать мне руку; я очень сконфузилась, разумеется, оробела, неловко раскланялась с ним и воротилась в свой уголок³⁷.

Перчатки считались обязательным элементом бального костюма – трогать друг друга голыми руками было недопустимо. Раньше, в XVIII веке, их основная функция сводилась к тому, чтобы спрятать кожные пятна.

Правила светского этикета не допускали дамам и девицам танцевать с незнакомыми кавалерами, а следовательно, и кавалеры не должны были ангажировать незнакомых дам³⁸. Однако Сушкова замечает, что когда она, как молодая девица, стала выезжать на балы в конце 20 годов, тогда еще не существовала в свете претензия говорить и танцевать только с представленным раньше лицом, поэтому с ней говорили незнакомые дамы, а кавалеры беспрестанно подбегали, выпрашивая у нее очередные танцы³⁹. Но, уже в половине 30 годов XIX столетия девушка, протанцевав и раскланявшись со своим кавалером, садилась в круг дам или своих подруг и наблюдала, как танцуют другие. Поэтому очень странным и провинциальным показался мемуаристке московский бальный этикет того времени:

Вчера я была на, что называется в Москве, блестящем балу. (...) Барышни более чем оживленны и разговорчивы с молодыми людьми, они фамильярны, они – их подруги. (...) С тех пор, как я здесь, я еще не слышала ни у одной из этих красавиц обращения вы, всегда ты, что придает их манере резкий и дерзкий тон. (...) Не могу сказать, до какой степени это режет мне уши, привыкшие к вежливости и хорошим манерам петербургского общества⁴⁰.

Во второй половине XIX века запрет вести разговор с партнером посреди общего веселья был уже забыт, и девушка, возвратившись с кавалером на свое место, могла вести с ним оживленную беседу. Удаляться во время танцев в соседнюю комнату с кавалером, да еще расхаживать с ним под руку – это бы выглядело неслыханной дерзостью в глазах мамушек и тетушек «онегинской эпохи». В феврале 1883 года дочь Льва Толстого, Татьяна, записала в дневнике:

³⁷ А. Керн, *Воспоминания, Дневники, Переписка*, Москва 1989, с. 99.

³⁸ *Хороший тон. Сборник правил...*, с. 345.

³⁹ Е. Сушкова, *op. cit.*, с. 66.

⁴⁰ *Ibidem*, с. 182.

Как-то перед четвертой кадрилию я искала Кислинского, что-то нужно было. Мещерский попадаетея... Он говорит: «Не надо Кислинского, пойдёмте со мной в ту залу, там свежее, и поговорим». Я сначала сделала очень торжественное лицо и сказала, что не пойду, но он так трогательно просил, что я пошла, и мы очень долго с ним гуляли под руку и разговаривали прелесть как хорошо. Тоже за это досталось⁴¹.

Прогуливаясь с мужчиной по зале дама могла идти с ним под руку, но не так, как ходят на прогулке, когда рука женщины образует собой кольцо вокруг руки кавалера. В этом случае дама должна была лишь прикоснуться пальцами к рукаву партнера⁴².

Бальный этикет вводил строгие ограничения касательно числа танцев, обещанных одному мужчине. Даме, а в особенности девице, неприлично было принимать более два или три приглашения от одного и того же кавалера⁴³. Иногда сами родители, защищая репутацию дочерей, давали согласие на один танец. А. Керн писала:

Если мне случилось танцевать с кем-нибудь два раза, то отец жестоко бранил маменьку, зачем она допускала это, и мне было горько, и я плакала. Ни один бал не проходил, чтобы мне батюшка не сделал сцены или на бале, или после бала⁴⁴.

Мужчина также не должен был позволять себе танцевать несколько раз подряд с одной и той же дамой, и ни в коем случае не мог позволять себе с ней фамильярность, даже, если была бы это его родная сестра⁴⁵. Более трёх танцев могли танцевать только жених и невеста. Если кавалер настаивал на большем количестве танцев – дама должна была отказать, не желая себя компрометировать.

Приведённый здесь этикет относится, в главной мере, к российской столице и к балам, проводимым для высшего света. А вот интересное свидетельство из провинциальной действительности, противоречащее существующему в салонной столичной жизни этикету:

Тогда была в Симбирске одна барышня М.Д., которая более прочих мне нравилась и действительно была прехорошенькая и премилая особа; вследствие чего, начиная с первого вечера и до последнего, все котильоны и мазурки мы с

⁴¹ Т.Л. Сухогина-Толстая, *Дневник*, Москва 1987, с. 74.

⁴² *Правила вежливости...*, с. 207.

⁴³ *Ibidem*.

⁴⁴ А. Керн, *op. cit.*, с. 125.

⁴⁵ *Правила вежливости...*, с. 207.

ней неразлучно танцевали; это так уже вошло в обыкновение, что на эти танцы ее никто уже не ангажировал⁴⁶.

В столице, конечно, такое поведение барышни было бы неприличным, но в провинции нравы еще были настолько патриархальны, что оно никому не казалось странным. Кроме того, в общественном сознании провинции все еще сохранялось негативное отношение к бальной культуре. Неоднократно в различных наставлениях молодым людям старики откровенно критиковали танцевальное искусство. По словам Софии Капнист-Скалон, ее дядя обыкновенно в обществе окружал себя всеми своими дочерьми и так гордо себя держал, что никто не смел подходить к ним. Он не позволял им танцевать, находя это неблагопристойным⁴⁷. Графиня Лидия Раstopчина в *Семейной хронике* вспоминала, как недовольна была бабушка, считавшая бал сатанинским сборищем и местом погибели души, увидев ее с сестрой в бальных платьях перед поездкой на танцевальный вечер. Окинув нарядившиеся к балу внучки холодным и презрительным взглядом, бабушка прочла им следующее наставление:

Вы воображаете, что вы хороши в этом наряде? Вовсе нет! Во-первых, вы некрасивы, во-вторых, перед Господом Богом вы гнусны, и, наконец, вы лишаетесь надежды попасть в Царство Небесное. Вы служите утехой дьяволу, наряжаетесь таким образом, чтобы идти кружиться в объятиях мужчин⁴⁸.

Бальные беседы обычно сосредоточивались на обсуждении спектаклей, постановок, концертов. Пособия по этикету советовали говорить с молодыми людьми о музыке, литературе, верховной езде; с матерью – о детях; с художником – о предмете искусства. При этом хороший тон требовал от женщины образованной и благовоспитанной негромкого и приятно модулированного голоса. Во время разговора дама должна была избегать слишком возвышать голос, чрезмерно жестикулировать, слишком пристально смотреть на участников бала, громко смеяться и говорить резким тоном⁴⁹. Вышеупомянутым правилам вежливого поведения столичные дворянки подчинялись до поздней старости, даже когда они оказывались, на пример, как Мария Волконская, в сибирских условиях. В письмах дочери, Елене, княгиня дает следующие советы: «наблюдай за своей манерой держаться, не возвышай голоса, не смейся громко, не стучи, когда ходишь»⁵⁰.

⁴⁶ *Воспоминания Е.П. Самсонова* // «Русский архив» 1884, №2, с. 454.

⁴⁷ Капнист-Скалон С.В., *Воспоминания [в:] Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века*, ред. Сахаров А.Н., Москва 1990, с.303.

⁴⁸ Раstopчина Л., *Семейная хроника*, Москва 1912, с. 166.

⁴⁹ *Правила вежливости...*, с. 122-123.

⁵⁰ Цит за: М. Филин, *Мария Волконская*, Москва 2006, с. 348.

Несмотря на то, что этикет бала касался представителей аристократии обоего пола, именно женщины строго следили за тем, чтобы не нарушать законов бальной культуры. Причина тому – жажда успешно выйти замуж; поскольку по общественному мнению мужчина имел многие и различные назначения, женщина только одно – вступать в замужество. Виссарион Белинский писал, что русская девушка – не женщина в европейском значении этого слова, не человек – она ничто другое, как *невеста*:

(...) с ранних лет до поздней молодости, иногда до глубокой старости, все думы, все мечты, все стремления, все молитвы ее сосредоточены на одной *idée fixe* – на замужестве, что выйти замуж – ее единственное желание, цель и смысл ее существования⁵¹.

Бал исполнял важную роль «ярмарки невест»⁵², так как зимой в Петербурге и Москве, куда традиционно съезжались провинциалы со всей России с целью представить своих дочерей на выданье, устраивались смотрины невест. Здесь, при звуках музыки часто решалась будущая судьба молодой незамужней женщины. «Бал сделался венцом общественности, высшим его выражением, танцы культом (...), чуть не единственным цементом для общения кавалеров с дамами»⁵³. Поэтому бал обязывал женский пол демонстрировать безукоризненные манеры и надлежащее танцевальное мастерство. Эти усилия должны были способствовать привлечению внимания самых знаменитых кавалеров-женихов, гарантировать барышне выгодное замужество и повышение по Табели о рангах. Табель о рангах непосредственно не касалась женщин – барышни не служили, ранг не имели, хотя государство пыталось расширить бюрократические правила и на них. Табель о рангах точно определяла их положение в обществе через степень их отца (до замужества) или мужа (после заключения брака)⁵⁴. В последствии этих регулирований молодые дворянки, а особенно родители сильно настаивали на том, чтобы их дочери посредством замужества повысились в общественной иерархии. Сделать хорошую партию явилось для барышни основной целью жизни и все кругом следовало этому подчинить.

Во время балов дворянки, объекты адорации присутствующих кавалеров, демонстрировали свои художественные знания, совершенствованные с раннего детства. С тайнами танцевального искусства маленькие дворянки знакомились

⁵¹ В.Г. Белинский, *Сочинения Александра Пушкина*, Москва 1961, с. 418

⁵² См: А. Колесникова, *Бал в России XVIII – начало XX века*, Санкт-Петербург 2005, с. 109-120.

⁵³ В. Михневич, *Пляски на Руси в хороводе, на балу и в балете* [в:] *Исторические эпизоды русской жизни*, т.2, СПб 1882, с. 372.

⁵⁴ *Памятники русского права, Законодательные акты Петра I*, вып.8, с. 186.

уже в возрасте пяти-шести лет под присмотром знаменитых балетмейстеров. После окончания восьми лет они на практике разбирались в самых популярных в свои времена танцах (вальс, кадрили, мазурка, менуэт, полонез). Танцы должны были способствовать естественности, ловкости в движениях, а это делало девушку свободной в обществе и помогало ей сблизиться с людьми.

Организованные со второй половины XVIII века детские балы позволяли маленьким барышням превращаться в шикарные дамы, а мальчикам – в элегантных кавалеров. Елизавета Нарышкина следующим образом описывает один из них, устроенный в первой половине XIX века в Петербурге:

Изданка нас водили на детские балы. (...) Девушки, которых мы встречали, представляли для меня особый новый тип. Они были элегантны и нарядны, как настоящие маленькие дамы, и умели говорить светским жаргоном о светских вещах. В этом отношении я сознавала их безусловное превосходство надо мною; их апломб, миленькие манеры, легкий флирт с пажами, рассказы и смешки были для меня недосягаемы⁵⁵.

Детские балы становились своеобразными репетициями предстоящих взрослых балов, школой бального этикета. Взрослые балы были местом, где происходило первое представление молодых людей обществу, именно здесь начиналась взрослая жизнь в высшем свете.

В XIX веке девушка начинала выезжать в свет в возрасте 16-20 лет, на несколько лет раньше, чем столетие назад. Выражение «начинать выезжать в свет» не обозначает, что до сих пор дворянка сидела взаперти, вдали от общества. Она появлялась в гостиной, когда ее звали туда, бывала на концертах, детских балах. Однако, делая визиты со своей матерью, она не сидела со взрослыми, а входила в комнаты своих сверстниц. Иначе говоря, до сих пор она считалась ребенком, и только после достижения возраста невесты, двери светской жизни распахивались перед ней. Теперь она начинала выезжать в театры, на рауты, балы и обеды.

Упомянутая уже Янькова, своих дочерей не любила таскать по театрам и не хотела их слишком рано вывозить в свет. В ее время прежде восемнадцати, девятнадцати лет на балы не выезжали, поскольку участие в балах давало девицам право принять статус невест, а это девишек старило⁵⁶.

Первый бал – это самое значительное событие в жизни молодой девицы, «роковая минута вступления в свет», потому так волнительны были сборы на этот бал. Вторжению в салонную жизнь столицы, от которой зависела будущая судьба девицы, приписывалось огромное значение. Описание бала в *За-*

⁵⁵ Е. Нарышкина, *Мои воспоминания*, Санкт-Петербург 1906, с. 82.

⁵⁶ Д. Благово, *op. cit.*, с. 154-155.

писках Сушковой позволяет детально воссоздать эмоции, связанные с первым выездом на бал:

И теперь еще не могу без трепета вспомнить, как замирало мое бедное сердце во весь этот памятный для меня день (...). Я провела его, глядясь в зеркало и любуясь первым своим бальным нарядом (...). Мне казалось, что никто не мог быть наряднее меня. Войдя в ярко освещенную залу, у меня потемнело в глазах, зазвенело в ушах, я вся дрожала. (...) когда же я уселась и окинула взором залу, то готова была хоть сейчас уехать домой и даже с радостью⁵⁷.

Оказывается, что даже хорошо освоенный в детстве этикет, привитая барышням заранее подготовка к светской жизни не всегда защищала их от страха вызванного первым появлением в свете. Более непосредственная в поведении провинциальная дворянка обычно вела себя в таком случае свободнее, особенно, если бал проходил в доме ее родителей:

Трудно описать то впечатление – писала С. Капнист-Скалон, – которое чувствовала я при входе в великолепно освещенную залу, наполненную множеством посетителей (...). Я, истинно, в эту минуту чувствовала себя на седьмом небе. (...) От грома музыки, от блеска освещения у меня кружилась голова. Я, сверх ожидания, много танцевала, хотя и не имела знакомых, но меня приглашали, вероятно, потому, что я была дочь хозяйки бала. Словом, я была в совершенном восторге, и приятные впечатления этого чудного бала долго сохранились в моей памяти⁵⁸.

Появление на первом балу представляло собой подобие экзамена на аттестат зрелости; удача здесь обеспечивала дальнейший успех в свете. Однако, даже после многолетнего изучения бального этикета многим не удавалось избежать ошибок на первом балу. Со второй половины XIX века бальная культура начинает постепенно угасать. Как на балах, так и на танцевальных вечерах наступило ускорение процесса упрощения бального этикета.

Подводя итоги стоит отметить, что рождение бала на русской почве при Петре I и его развитие на протяжении XVIII и XIX столетий вызвало необходимость образования бального этикета – формализованного набора правил, регулирующих поведение высших слоев общества во время танцевальных вечеров. Они нашли свое отражение во многих пособиях по этикету анализированного периода. В соответствии с ними женщина должна была на балу безукоризненно выглядеть, контролировать каждое движение и слово и при этом

⁵⁷ Е. Сушкова, *op. cit.*, с. 65-66.

⁵⁸ С.В. Капнист-Скалон, *op. cit.*, s.336.

казаться естественной, приветливой и веселой. Нарушения этикета ни в коем случае не допускались, поскольку они могли отрицательно повлиять на будущую судьбу барышни, разрушить ее надежды на скорое замужество. Поэтому участники бала, особенно женщины, испытывали большую эмоциональную нагрузку. Женщины на балу выполняли своего рода светскую повинность, отказ от которой мог повлечь за собой разные неприятности вплоть до «отлучения от света». Освоение бального поведения требовало долгих лет обучения, многочисленных уроков танца и этикета, посещения детских балов. Балы и танцевальные вечера глубоко проникли культурную жизнь России, почти два столетия оставаясь неотъемлемой частью общественной жизни страны.

SUMMARY

Etiquette of Women's Behavior During the Ball in 18th and 19th century (Based on Women's Memoirs and Correspondence)

The birth of the ball in Russia during the reign of Peter the Great and its evolution during the 18th and 19th century caused the need to create basis of ball's etiquette – the formal set of rules regulating the behavior of Russian aristocracy during the evenings. They were reflected in many etiquette textbooks in that time. According to them, during the ball woman was required to present the artistry of dance and impeccable manners. She also had to control her each movement and spoken word, while retaining the naturalness of behavior.

Balls were conducive to the creation of new forms of human relations. Conversation was even more important than the ball dances. Dance Hall was like a salon, in which a unique opportunities were available: making acquaintances and contacts necessary for promoting in the Rank Table, finding the appropriate match for their children. Therefore, preparations for the first ball began in early childhood, because every stumble, gaffe or breaking the etiquette could compromise the noblewoman in the eyes of society.